

МУРАТ БОЛОВ

О ТАЛАНТЕ писать приятно. Приятно и трудно. Тем более о Мурате Болове — очень интересном и самобытном актере, у которого, как нам казалось долгие годы, не было ничего броского, ярко эмоционального, захватывающего. Ни бурного темперамента, ни эффектных жестов, ни подкупающего голоса, ни статной сценической фигуры — ничего этого у него не было. Он слыл актером-среднячком, как говорят театралы. Над любой ролью работал усердно, мучительно долго, но редко когда загорался ею. Были удачно (но не более) сыгранные роли. Случались и досадные провалы.

А в общем казалось, что прав его учитель — народный артист СССР Леонид Миронович Леонидов, который в Москве на выпускном спектакле «Талантов и поклонников» Островского заметил Болову: «С первого взгляда у тебя все на месте, все делаешь так, как надо, хорошо держишься на сцене, чувствуешь партнера, помогаешь ему, отвечаешь на его реакцию... Все это хорошо. Все это нужно актеру, но у тебя не хватает самого главного — огня».

Шли годы. История театрального искусства знает немало примеров, когда актер, вдруг неожиданно, мощно расправив свои крылья, взлетает на такую высоту творчества, что пораженные этим взлетом люди не находят достаточного объяснения совершившемуся.

Бывает и так, что артист в какой-нибудь одной роли раскрывает себя столь ошеломляюще щедро и талантливо, с такой полнотой душевного горения, что эта роль становится и для него, и для целого поколения вековой, явлением необычайным, этапным и торжественным. Вспомним хотя бы знаменитого англичанина Чарльза Кина в роли Ричарда III, генерального русского актера Михаила Щепкина — Фамусова, итальянского трагика Эрнесте Росси — Макбета, потрясающего Михаила Москвина в роли безвольного царя Федора или же Василия Каратыгина в образе Гамлета.

И вот кабардинский театр в 1958 году обратился к пьесе Н. Погодина «Кремлевские куранты». Постановщик спектакля Георгий Моисеев долго ломал голову в поисках актера на роль В. И. Ленина и в конце концов без волнения и опасения взял «на пробу» Мурата Болова.

Создать образ В. И. Ленина — самого человеческого человека, который, по образному выражению сормовского рабочего, был «прост, как сама правда», было, естественно, труднейшим делом и для Мурата Болова, и для всего театрального коллектива. Но, к счастью, первые черновые репетиции оказались обнадеживающими.

С самого начала договорились: никому не подражать, никого не копировать, а ис-

ходить из собственных возможностей, из своих актерских данных. Это было смелое решение, правильное, но трудное своим осуществлением. Дело в том, что «Кремлевские куранты», имея весьма наглядный общий фон революционности, патетической приподнятости, все же цементируется как цельное произведение посредством тех, казалось бы, незначительных дегалей, подтекстов, интонаций, разногласных нюансов, которые обнаруживаются с трудом в самой пьесе и требуют исключительного сценического чутья, мастерства выражения.

«Кремлевские куранты» прошли в театре на уровне, но в этом спектакле еще добавившим образом не ощущалась та величественная симфония исторической правды, которая, тесно переплетаясь с большой человеческой поэзией, создает, в конечном итоге, то идейно-художественное единство, четкое и естественное развитие которого так необходимо во всех случаях, когда театр становится трибуной народных дум и движений, когда он воссоздает важные исторические события в широком и монументальном плане.

Мурат Болов всем своим существом чувствовал ту величайшую ответственность, которая легла на его плечи. «Я почти дрожал перед выходом», — писал он в газете в те дни. — И понятно потому мое большое счастье, когда зритель встретил Ленина (меня) громом аплодисментов».

В одном все мы, видевшие Мурата Болова в «Кремлевских курантах», были единодушны: перед нами актер высокой культуры и светлого таланта. Скажу по совести: радовались все. Ленин на кабардинской сцене! Ленин говорит по-кабардински!

Газета писала: «Артист не стал на путь подражательства. Манера разговаривать, походка, весь внешний облик вождя переданы как неразрывное целое. Ленин — Болов особенно запоминается в гостях у Чудновых, в сцене, когда он страстно говорит об электрификации России. По-коряют найденные Боловым интонации, свободная передача кабардинским языком душевной проникновенной речи вождя».

На спектаклях, любясь мастерством Мурата Болова, я незлобно уходил в даль воспоминаний. Передо мной

вставал небольшого роста, щуплый паренек, с поделвичьи застенчивым взглядом, удивительно скромный. Он держал вступительные экзамены в кабардинскую театральную студию, которая открывалась в Москве при театральном институте имени А. В. Луначарского. Признаться, на некоторых членов комиссии Болов произвел неважное впечатление. В ту пору (1935 год) многим, в том числе и педагогам института, казалось, что горец по своей натуре должен быть с неудержимо извергающимся темпераментом, с лавиной страстей и чувств.

Начались годы учебы... Один из довольно известных людей помню, утверждал, что в Москве можно, даже не учась в вузе, получить высшее образование, только посещая театры и музеи. Доля правды в этом есть. Однако нашим ребятам приходилось трудно: в кабардинском языке не было даже слов или синонимов таких слов: актер, театр, режиссер, кульминация, акт, роль, сценическое действие и т. д. А ведь почти все студийцы русским языком владели слабо.

И все же студийцам повезло: за их воспитание взялись такие выдающиеся мастера русского сценического искусства, как народные артисты СССР Москвин, Леонидов, Тарханов, народный артист РСФСР профессор Судаков, Ефремов. Да, у колыбели нашего национального театра стояли гиганты русской и мировой сцены.

В дружной и требовательной артистической среде мужал Мурат Болов. В его активе сейчас около 85 ролей. Более всего раскрыл он себя в национальных постановках «Парень из Кабарды» М. Тубаева, «Семья Тамаша» М. Шагапсоева, «Когда загорается свет» А. Шортанова... В пьесах русской и мировой классики ему тоже приходилось играть людей с положительным «зарядом»:

в «Укрощении строптивой» — Транио, «Лекаре по неволе» — Леандра, «Без вины виноватые» — Незнамова, «Егоре Булычове» — Лаптева, в «Молодой гвардии» — Тюленина, в «Палате» — Новикова и т. д.

В «Семье Тамаша» Болов исполнял роль секретаря парторганизации колхоза Муаеда. «Мысли и чувства... Муаеда, его поступки и стремления так органичны, страстны и подлинны», — писал режиссер А. Скрыбин в газете «Советская культура», — что целиком захватывает зрителя. Чистота и трепетная нежность раскрывают красоту его духовного богатства».

Говоря о другой роли Мурата Болова в драме «Когда загорается свет», критик отмечал, что «своеобразно и интересно задуман Магомед артистом Муратом Боловым. Артист значительно обогатил его. Магомед — Болов — порывистый, смелый, более того — отчаянный парень. Он зол, но не на людей, а на себя. Это человек сильной души».

Была явная опасность, что постоянное обращение к ролям положительных героев — во многом одноплановым сведет актера, в конечном итоге, к определенному штампу. Этого не случилось. Не случилось потому, что к каждой новой роли он подходил со всей ответственностью. Ведь творческая смерть для актера наступает тогда, когда он перестает работать над собой.

Это очень хорошо знает Болов. И он может служить примером для многих деятелей искусства. Для наглядности я приведу только один пример — работу Болова над образом В. И. Ленина.

Еще в 1956 году Свердловская киностудия приехала в Кабардино-Балкарию, чтобы озвучить фильм «Ленин в 1918 году» на кабардинском языке. Дублировать роль В. И. Ленина поручили Болову. Многие помнят, с

каким мастерством был сделан этот дубляж, но мало кто знает, каких трудов и напряжения всех духовных и физических сил стоила эта работа артисту.

Получив эту же роль в спектаклях «Кремлевские куранты» Погодина и «Грозовой год» Каплера, артист садится за изучение трудов В. И. Ленина, перечитывает всю мемуарную литературу о вожде, совершает поездку по ленинским местам, посещает музеи, кремлевский кабинет, тщательнейшим образом просматривает документальные киноленты, фотографии.

Исключительного, я бы сказал, выдающегося успеха добился Мурат Болов в спектакле «Грозовой год». В основу этой драмы, как известно, положены мотивы киносценария «Ленин в 1918 году». Драма «Грозовой год» далеко не безупречна. Многие действующие лица в ней очерчены эскизно, допущено некоторое увлечение детективом. И все же, мне думается, что «Грозовой год» является одной из лучших пьес в драматическом цикле Ленинаны. Здесь постоянно в центре внимания сам В. И. Ленин.

Драматический узел разворачивается с того момента, когда к В. И. Ленину приходит А. М. Горький и просит вождя революции освободить арестованного ЧК «хорошего человека» профессора Баташева. Возникает диалог — спор между Лениным и Горьким о гуманизме, об излишней жестокости большевиков.

Уже в этой картине Мурат Болов поражает нас волнующе оптимистичным тоном, синтезом ленинской искренности и человеческой простоты, глубиной ленинского характера. И еще в сцене с крестьянами Ленин — Болов доходит до высот подлинно философского обобщения. Нас захватывает неизмеримая прямота В. И. Ленина. У актера нет той скованности, что временами наблюдалась в «Кремлевских курантах», боязни «не ленинских» интонаций, жестов, походки и других деталей. Мурат Болов создает образ крупным планом, смелыми и яркими художественными мазками, создает его емко, убедительно.

Неразрывное, органическое единство человека и вождя, их взаимообусловленность и составляют то кредо, в которое столь талантливо вжилась всем своим существом актер. И скромность ленинского характера, и теплый, ненавязчивый юмор, и умение просто и задушевно говорить с простыми людьми, а в необходимых случаях — возжечься пламенем беспощадности — все это удивительно целенно и мастерски передается выдающимся актером. Я не оговорился: да, он именно выдающийся!

Некоторые в игре Болова находят что-то «шукшинское». Возможно, но это все настолько органически вошло в плоть и кровь актера, что, как кажется мне, невозможно найти грани, где это шукшинское, а где это боловское. Тонкий интонационный рисунок роли, естественность и простота, исключительное обаяние, убедительность и психологическая углубленность — все эти качества интегрируются в образе В. И. Ленина. Неистовый и целеустремленный революционер с огромным волевым запалом, трибун масс — таким раскрывается этот образ у Мурата Болова.

«Грозовой год» — вершина Болова и всего кабардино-балкарского искусства. За исполнение роли В. И. Ленина артист вполне заслуженно был удостоен Диплома первой степени Министерства культуры РСФСР.

Когда-то Белинский, говоря о мастерстве двух великих русских артистов — Мочалова и Каратыгина — писал: «Без вдохновения нет искусства, но одно вдохновение, одно непосредственное чувство есть счастливый дар природы, богатое наследство без труда и заслуги: только изучение, наука, труд делают человека достойным и законным владельцем этого чисто случайного наследства, и они же утверждают его действительность, а без них оно и терлется и проматывается. Из этого ясно, что только из соединения этих противоположностей образуется истинный художник».

Эти положительные качества счастливо воплотились в Мурате Болове — подлинно народном артисте.

Аскербн ШОРТАНОВ.